

НАТАЛЬЯ
ИЛИШКИНА

НАТАЛЬЯ
ИЛИШКИНА

МИРЭ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ
РОМАН

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
И43

Художественное оформление Елизаветы Корсаковой

Илишкина, Наталья Юрьевна.

И43 Мирэ. Дальневосточный роман / Наталья Илишкина. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 636, [4] с. — (Большая проза).

ISBN 978-5-17-188969-2

Героиня новой книги Натальи Илишкиной, Мирэ, чье имя означает по-корейски «будущее», поклоняется любым магическим силам: духам предков и местности, Иисусу в его католическом и православном изводах, Богородице Марии, Антихристу Ленину, коллективному Политбюро и гениальному вождю товарищу Сталину. Она никак не может взять в толк, почему нужно выбирать одного и отказываться от всех прочих небесных покровителей. Мирэ готова идти вслед за мужем-революционером, председателем корейской секции союза безбожников, и отречься от всего, что объявляется вне закона, лишь бы только не снимать с шеи родовой амулет и два креста: католический и православный...

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Илишкина Н. Ю.
© Корсакова Е. М., художественное
оформление
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-188969-2

*Посвящается Ким Синай — матери двенадцати детей,
в одиночку воспитавшей шестерых, волею судьбы жившей
в семи государствах и счастливо дожившей до ста лет*

*Жить прошлым — значит обкрадывать настоящее,
но забыть прошлое — значит не иметь будущего.*

Глава 1

Мирэ уже встречалась с тигром. Глаза в глаза. Потому что в свои девять лет роста была совсем небольшого, не выше поднявшего в изумлении голову лежавшего зверя. Случилось это в год Деревянной Змеи¹, через три месяца, как от кровавого поноса умерли матушка и старший брат.

В тот день с утра, привязав к спине голосившую от голода малышку-сестру, Мирэ — нет, тогда ее звали просто Кхын Э, то есть старшая, — побежала по деревне, от дома к дому, умоляя кормящих грудью соседок сжалиться над несчастной сиротой и дать ей несколько глотков молока. Но ни одна соседка не расположена была приложить к своей груди сестричку Миок — тогда она была еще не Миок, а Чагын Э, младшая. Не потому что молока не было, а потому что день был занятой, предпраздничный, а все уже знали, что Миок так сжимала сосок прорезавшимися зубами, что кормилица вскрикивала; и даже когда Миок зажимали нос, чтобы оторвать от груди, она, сделав судорожный вдох, снова присасывалась, как пиявка, и не отпадала, пока не насыщалась.

Мирэ метнулась назад в свой двор. Старая фанза² словно тоже страдала от голода: куски глины отвалились, обнажив похожие на ребра перегородки из камыша. И хотя глава семьи Хан Бусик — плотник и не умер, а здоров, подлатать свой дом у него нет ни времени, ни сил.

¹ Речь идет о 1905 году. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

² Фанза — дом с двускатной крышей из соломы, тростника и стенами из тростника, самана или кирпича, обычно в сельской местности.

Мирэ подошла к летней печке, соскребла со стенок немытого котла присохшие комочки каши, положила в рот и, медленно жуя, вошла в дом. Развязав хабури¹, положила сестренку на кан², закинула в рот щепотку мака из заветного мешочка, пожевала еще немного, сплюнула нажеванное в тряпочку, завязала узелком и сунула в голодный рот сестры. Сама сглотнула слюну, внутри заурчало. Отец должен вернуться из города этим вечером, принести долгожданного риса, сушеной морской капусты и собачатины для целебного супа, который ели перед наступлением жары, чтобы не заболеть животом. Но до вечера нужно было еще дожить.

Завтра — Оволь Тано, праздник летнего солнцестояния: все будут веселые и щедрые, качаться на качелях, дарить друг другу веера и круглые, как колесо телеги, рисовые лепешки, а вот сегодня не до улыбок — соседи от мала до велика согнулись крючками в полях, спешат до праздника закончить посадку чумизы³. У одной лишь семьи Хан Бусик, к которой принадлежали Мирэ и Миок, земли нет ни в собственности, ни в аренде. Только крохотный огородик во дворе, отгороженный кольями от вездесущих соседских кур и свиней.

Пока жива была матушка, огород, хоть и малый, родил щедро. А Мирэ выращивать овощи не умеет, не успела научиться. Зато благодаря матушке она хорошо знает, как искать в лесу целебные травы и съедобные грибы, и прошлой осенью даже нашла небесный корень инсам⁴, и не какой-то там, а пятилистный. Корень был похож на человечка размером с кулачок. Отец тогда выпилил из бамбука особую коробочку, с молитвой поместил корень внутрь,

¹ Хабури — сложенная по диагонали простыня, большой платок или покрывало, используемые для ношения детей.

² Кан — глиняная или кирпичная лежанка в корейском доме, одновременно и дымоход: внутри нее проходил теплый воздух от печи.

³ Чумиза (головчатое просо) — однолетнее зерновое и кормовое растение, распространенное в ряде стран Азии.

⁴ Инсам — корейский женьшень.

обложил мхом, чтобы предохранить от порчи, а потом отнес в город и продал там лекарю. Мирэ принес в подарок красивую черепаховую заколку с перламутровыми цветами, а себе купил порцию опиума, остаток же денег скоро проиграл в карты и снова впрягся в работу.

Но заколка — заколка сохранилась. Мирэ закрепляла ею волосы по праздникам. Она и завтра заколет, пусть до следующего месяца Тигра¹, пока не закончится траур по усопшим², ей нельзя ходить на праздники. Мирэ уверена: дух матушки не возражал бы, чтобы она пошла качаться на качелях. И дух старшего брата тоже — брат больше всех веселье любил. Мирэ хотела бы спросить об этом духов, но даже не знала, где родные могилы. Отец с другими мужчинами отнесли покойников куда-то на гору, а Мирэ идти с ними запретили...

Малышка Миок, насосавшись маковой кашицы, уже закрыла глаза, но тряпицу изо рта не выпускала. Мирэ, согнувшись, вновь водрузила сестренку на спину, привязала покрепче, взяла в одну руку корзинку, в другую — палку и вышла за ворота, подперев их чурбаком. Теперь самое время отправиться в лес посмотреть жимолость — вдруг уже созрела, собрать первые сизые ягоды, а потом обменять их у соседки на лепешки из чумизы и плоску кимчи³. Свои запасы доели еще в прошлом месяце, и пустые горшки из-под солений на заднем дворе ждали нового урожая.

Мирэ шла в лес одна впервые — многое приходится делать в первый раз, когда твоя матушка умерла. Мирэ и Миок еще повезло, что отец у них добрый. В соседней деревне, когда умерла мать семейства, отец запер маленьких дочерей в фанзе и поджег, а сам убежал в лес — девочек еле-еле

¹ 21 января — 20 февраля.

² Если жена умерла при жизни мужа, семья соблюдает траур одиннадцать месяцев; по умершим детям — три месяца.

³ Кимчи — остро приправленная квашеная пекинская капуста, иногда другие овощи.

соседи спасли. С мальчиком бы так не обошелся. А девочки — кому они нужны, кроме собственной матери? Корми их, одевай, обувай, а потом они другой семье достанутся, почти что задаром. «Подарки от жениха всех затрат никогда не окупают», — так сказал матушке отец, когда родилась Миок. Очень он был расстроен появлением второй дочери. Наверное, за это и наказали его духи: забрали единственного сына и жену тоже, а обеих дочерей оставили ему.

Идти одной в лес было страшновато — сердечко стучало, как толкушка в каменной ступке, в ушах словно пиликали цикады. Вообще-то Мирэ шла не одна, а с сестрой, но это еще хуже — с такой-то ношей за плечами.

На входе в деревню, лицом к горе и лесу, стояли деревянные Чхонхате чжангун — предводитель небесных сил, и Чихаё чжангун — предводительница подземного мира. Когда Мирэ была маленькой, очень их боялась: глаза похожи на яйца, того и гляди выкатятся, а частые зубы, острые, как зубья отцовской пилы, — укусят. Матушка ей объясняла, что так они отпугивают злых духов, чтобы не заходили в деревню, и каждый раз усердно им кланялась. Но духа болезни чжангуны отогнать не смогли — дух пришел и забрал кого захотел. А может, чжангуны с духом заодно, подозревала Мирэ и после смерти матушки больше не кланялась им, как раньше.

Вот и теперь она быстро прошла между ними, опустив голову, и только оберг — нефритовую бусину с дырочкой, — что висел на ее груди на кожаном шнурке, потрогала: на месте ли. Бусину эту она помнит, сколько помнит себя — матушка ей привязала. Может, она и спасла Мирэ от смертельной болезни. А у самой матушки и у брата такой бусины не было...

Дальше дорожка круто забирала вверх. Мирэ поневоле замедлила шаг — стало тяжело. Вдруг прямо перед носом затанцевала хвостиком-стрелкой голубая стрекоза. Мирэ

остановилась, опустила наземь корзинку и протянула вперед ладонь.

— Стрекоза, стрекоза, сядь, отдохни, — зашептала с надеждой.

Загадала: если сядет, жимолость окажется спелой. Ведь стрекоза дарит удачу. А еще чудесные перемены. Может быть, отец выиграет в карты много монет, которые еще недавно назывались янгами, а теперь — вонами¹. Да все равно, как они называются, только бы побольше. И тогда они смогут каждый день есть белый рис, хоть он и не растет в их краях, снова заведут куриц и петуха, голышке Миок купят сорочий халат с пестрыми рукавами² — ведь скоро у нее первый день рождения, а Мирэ... У Мирэ было так много желаний!

Она пошевелила пальцами, привлекая внимание вестницы чудес. Ну же, ну! И голубая стрелка приземлилась прямо на кончик мизинца, как за стебелек, уцепилась всеми шестью лапками, сложила вместе испещренные прожилками четыре прозрачных крылышка и замерла, будто разглядывая грязь под ногтем Мирэ, а на самом деле видела своими огромными глазами все вокруг. Если теперь поймать стрекозу за хвост, то везение уже никуда не улетит! Мирэ осторожно выпустила из рук палку, тихо упавшую в траву, и медленно-медленно потянулась левой рукой к правой, поползла пальцами, как змея, снизу: от локтя к раскрытой ладошке. Но стрекоза была бдительной, подняла хвостик и, оттолкнувшись всеми лапками, взмахнула вдруг раскрывшимися крыльями, подскочила, и только ее и видели! «Эх! Ладно», — утешилась Мирэ, ведь стрекоза села ей на палец — значит, с пустой корзиной она не вернется.

¹ Янг — валюта в Корее с 1892 по 1902 год; вона введена в 1902 году и была в ходу до аннексии Кореи Японией в 1910-м.

² Сорочий халат (ккачки турумаги) — халат с рукавами в разноцветную полоску. В старину ккачки турумаги надевали на Новый год (Солляль).

Наклонилась за упавшей палкой, поднимая, зацепила концом за лиану лимонника, опутавшую ствол уже отцветшей черемухи, услышала, как визгливо заахала голубая сорока — видно, где-то рядом сидит на гнезде. Крик сороки — добрый знак. А сорочьи яйца! Зеленые, крапчатые, теплые, вкусные! Рот тут же наполнился слюной. С малышкой за спиной Мирэ на дерево, конечно, не залезет, но вдруг удастся сбить гнездо палкой. Там может оказаться и пять, и восемь, и десять яиц!

И Мирэ шагнула с тропы.

Раздвигая палкой переплетенные ветви, подняла глаза, высматривая в листве темный комок гнезда. Шаг, другой... И сквозь горько-терпкий черемуховый запах в нос Мирэ ударил тяжелый звериный смрад. Она перевела взгляд и прямо перед собой, не дальше чем в двух канах¹, увидела тигра — и замерла, словно столбы-чжангуны при входе в деревню. И тигр, подняв голову, увидел Мирэ и тоже замер.

Зверь был красивый, хотя матушка говорила Мирэ, что нет в лесу никого ужаснее тигра. Круглые глаза — большие нефритовые бусины со зрачками-дырочками — словно очерчены черной тушью. Щедрые полосы туши бежали по полосатой белой и желтой шерсти, а розовый нос казался нежным лепестком азалии. Он напомнил Мирэ веселого Тигрика, нарисованного на свитке, что висел в доме деревенской шаманки-мудан и, как на свитке, вроде бы тоже улыбался. Не хватало только длинной трубки, которую на рисунке зажигал для него слуга-заяц.

— Господин дух гор Хорани², — отводя взгляд, прошептала Мирэ, — будьте справедливы и милостивы! Мы

¹ Кан — традиционная единица измерения, около 2 м.

² Хорани — «тигр» по-корейски. В словаре ему будет соответствовать корейское слово «пом», однако его редко можно встретить в устной речи корейца. Чаще оно заменяется словом «хорани». Хо — корейское произношение китайского иероглифа «тигр», «ран» значит «молодой человек»,

две голодные и тощие сироты. В нашем дворе нет даже собаки, чтобы пожертвовать вам¹. Мы не будем разорять гнездо вашей подруги сороки², клянемся! Позвольте нам уйти живыми и невредимыми.

И Мирэ стала медленно отступать назад, шаг за шагом, нащупывая землю ногами, обутыми в конопляные сандалии, чтобы не споткнуться о корни и не упасть. Хотелось повернуться и пуститься наутек, но Мирэ помнила наказ матушки: никогда не поворачиваться к зверю спиной. Побегала она только тогда, когда оказалась на тропинке. Бросив корзинку и палку, мчалась к деревне так быстро, как не бегала никогда. Остановилась лишь у столбов-чангунов, шмякнулась на ослабевшие колени и, облизав пересохшие губы, попросила у предводителей прощения за непочтение.

Та давняя история разом вспомнилась Мирэ, когда лошадь, тащившая по мокрому снегу удивительную повозку на полозьях вместо колес, замедлила бег, принялась мотать головой, фыркать и ржать. Мирэ поняла: что-то не так. Возница — земляк из Хамгёндо, живущий в России дольше, чем Мирэ замужем, а замужем она уже семь лет, привстал, держа одной рукой вожжи, а другой — кнут. Глянул на бурелом у дороги, хлестнул лошадь по крупу, а потом стал громко кричать и шелкать кнутом в воздухе. Лошадь рванула вперед, Мирэ откинуло назад, опрокинуло на лежащий за спиной хабури. В нем — ее мертвый сын.

-и — окончание, используемое для обозначения ребенка или близкого друга. Хорани — это образ, сложившийся веками в представлении корейского народа: несколько наивный полосато-пятнистый зверь с широкой улыбкой.

¹ Собаки — любимая добыча тигров. Часто тигры делали набеги на деревни, нападая не на человека, не на домашний скот, а на собак — свое излюбленное лакомство.

² Согласно представлениям корейцев, сорока — друг и помощник духа гор, воплощенного в тигре.